

ВОЛШЕБНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

эксмогетство

Александр Николаевич Афанасьев

Волшебные русские сказки

Серия «Золотые сказки
для детей (Эксмо)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74142486

Волшебные русские сказки: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-249275-4

Аннотация

Стоит лишь открыть эту книгу – и тихонько распахнутся ворота в тридцатое царство: зашумит тёмный лес, сверкнёт чудо-рыба в прозрачной воде, скрипнет морозный снег под сапожком, добро непременно победит, а пир будет на весь мир.

Сказки, собранные выдающимся русским фольклористом Н. А. Афанасьевым, – это сокровища народной фантазии, передаваемой из уст в уста веками.

В сборник вошли известные и любимые сказки: «По щучьему велению», «Морозко», «Крошечка-Хаврошечка», «Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка» и многие другие. В них русский дух, тонкий юмор и те самые «неписанные правила» жизни, которые ребёнок впитывает сердцем: где правда, а где хитрость, за что награда, а за что расплата.

Уникальные цветные иллюстрации художницы Дарьи Субботиной украшают каждую страницу, пробуждают интерес и воображение.

Сказки – это детство. Они созданы для уютных семейных вечеров.

Пусть чудеса начинаются с первой страницы – и продолжаются в вашем доме.

Содержание

Золотая рыбка	6
По щучьему веленью	15
Морозко	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Волшебные русские сказки

Иллюстрации Дарьи Субботиной.

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Золотая рыбка

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как до этого никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая – золотая. Взмолилась ему рыбка человеческим голосом:

– Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю.

Старик подумал-подумал и говорит:

– Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха:

– Много ли поймал, старик?

– Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она взмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе пригожусь: что пожелаешь, всё сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с неё выкупа, даром на волю пустил.

– Ах ты, старый чёрт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты удержать не сумел.

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не даёт ему покоя:

– Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?

Не выдержал старик, пошёл к золотой рыбке за хлебом; пришёл на море и крикнул громким голосом:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла к берегу:

– Что тебе, старик, надо?

– Старуха осерчала, за хлебом прислала.

– Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь.

Воротился старик:

– Ну что, старуха, есть хлеб?

– Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто расколось, не в чем бельё мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала.

Пошёл старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла золотая рыбка:

– Что тебе надо, старик?

– Старуха прислала, новое корыто просит.

– Хорошо, будет у вас и корыто.

Воротился старик, только в дверь, а старуха опять на него накинулась:

– Ступай, – говорит, – к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!

Пошёл старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает:

– Что тебе, старик, надо?

– Построй нам новую избу; старуха ругается, не даёт мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!

– Не тужи, старик! Ступай домой да молись Богу, всё будет сделано.

Воротился старик – на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается:

– Ах ты, старый пёс! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь – дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись.

Пошёл старик на море, говорит громким голосом:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой.

– Что тебе, старик, надо?

Отвечает старик:

– Не даёт мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой.

– Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись Богу, всё будет сделано.

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в

три этажа выстроен; по́ двору прислуга бегаёт, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдаёт.

– Здравствуй, жена! – говорит старик.

– Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьюми как можно больнее.

Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его

плетьюми, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житьё старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто – сейчас на конюшню!

– Экая ведьма! – думает старик. – Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!

Ни много ни мало прошло времени, наскучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает:

– Ступай, старый чёрт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.

Пошёл старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла золотая рыбка.

– Что тебе, старик, надо?

– Да что, вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею.

– Не тужи! Ступай домой да молись Богу, всё будет сделано.

Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом – зелёный луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много ни мало прошло времени, надоело старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бегают.

– Какой такой старик?

Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице.

– Слушай, старый чёрт! – говорит ему старуха. – Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались.

Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдёшь – голова долой! Скрепя сердце пошёл старик на море, пришёл и говорит:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Золотой рыбки нет как нет! Зовёт старик в другой раз – опять нету! Зовёт в третий раз – вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу.

– Что тебе, старик, надо?

– Старуха ещё пуще вздурилася; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать.

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в

изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

По щучьему веленью

Жил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал – всё нет ничего! «Эх, – думает сам с собой, – доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри придётся с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? – Хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я Богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось Господь и смиляется». Начал он Богу молиться; по целым дням голодает, а всё молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Все люди станут разговляться, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу – уж вместо щей

похлебаю». Взял ведёрко, пошёл к колодцу, и только закинул в воду – вдруг попалась ему в ведёрко большущая щука. Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю». Говорит ему щука человеческим голосом:

– Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, всё у тебя будет! Только скажи: «По щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то! – Сейчас явится!»

Убогий бросил щуку в колодец, пришёл в избу, сел за стол и говорит:

– По щучьему велению, по божьему благословению будь стол накрыт и обед готов!

Вдруг откуда что взялось – появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе, Господи! Есть чем разговеться». Пошёл в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разговляться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идёт с своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздаёт бедным милостыню; всем подала, а про этого мужичка и позабыла. Вот он и говорит про себя:

– По щучьему велению, по божьему благословению пусть

царевна плод понесёт и родит себе сына!

По тому слову царевна в ту ж минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал её царь допрашивать.

– Признавайся, – говорит, – с кем согрешила?

А царевна плачет и всячески клянётся, что ни с кем не грешила:

– И сама не ведаю, за что меня Господь покарал!

Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

Меж тем мальчик не по дням, а по часам растёт; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает. Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям и женатым, и холостым. Няньки и мамки понесли ребёнка по всем дворам, по всем улицам; ходили-ходили, он всё молчит. Подошли наконец к избушке бедного мужика; как только увидел мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал:

– Тятя, тятя!

Доложили про то государю, привели во дворец убогого; царь стал его допрашивать:

– Признавайся по чистой по совести: твой это ребёнок?

– Нет, божий!

Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребёнком в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

Вот поплыла бочка по морю, понесли её буйные ветры и прибили к далёкому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колышется, и говорит таково слово:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью распадись, бочка, на сухом месте!

Бочка развалилась; вылезли они на сухое место и пошли куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отошала, едва ноги переставляет.

– Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?

– Знаю! – отвечает царевна.

– Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостынки подать!

Потом говорит убогий:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью стань здесь богатый дворец – чтоб лучше во всём свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!

Только вымолвил – явился богатый дворец; выбегают из дворца слуги верные, берут их под руки, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и вина, и сласти, и кушанья. Убогий и царевна напились, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять.

– Всем бы здесь хорошо, – говорит царевна, – только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах.

– Подожди, будет и птица! – отвечал убогий и тотчас вымолвил: – По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень – у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на головке бриллиантовый!

Глядь – плывут по воде двенадцать уток и селезень: одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый.

Вот так-то живёт царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын её растёт да растёт; вырос большой, почувал в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты. Они его отпустили:

– Ступай, сынок, с богом!

Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу. Попадается ему навстречу старая старуха:

– Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?

– Еду, бабушка, невесты искать, а где искать – и сам не

ведаю.

– Пстой, я тебе скажу, дитячко! Поезжай ты за море в тридесятое королевство; там есть королева – такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше её нигде не сыщешь!

Добрый молодец поблагодарил старуху, приехал к пристани, нанял корабль и поплыл в тридесятое королевство.

Долго ли, коротко ли плыл он по морю, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – приезжает в то королевство, явился к тамошнему королю и стал за его дочь свататься. Говорит ему король:

– Не ты один за мою дочь сватаешься; есть у нас ещё жених – сильномогучий богатырь; коли ему отказать, он всё моё государство разорит.

– А мне откажешь – я разорю!

– Что ты! Лучше померяйся с ним силою: кто из вас победит, за того и дочь отдам.

– Ладно! Созывай всех царей и царевичей, королей и королевичей на честной бой поглядеть, на свадьбе погулять.

Тотчас посланы были гонцы в разные стороны, и года не прошло, как собрались со всех окрестных земель цари и царевичи, короли и королевичи; приехал и тот царь, что свою родную дочь в бочку засмолил да в море пустил. В назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились-бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались; сын царевны осилил своего супротивника – снёс с него буйную голову.

Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго мблнца под руки и повели во дворец; на другой день обвенчался он с королевною, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королев и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили кораб-

ли и поплыли по морю. Царевна со своим мужем встретили гостей с честью, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень – за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать; не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы.

– Наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать.

Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад; выступил к ним хозяин и стал говорить:

– Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромья вас некому взять!

– Что ты взводишь напраслину? – отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи. – Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдёшь у кого утку, делай с ним что сам знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!

– Хорошо, я согласен! – сказал хозяин, пошёл по ряду и стал их обыскивать; как скоро дошла очередь до отца царевны, он потихоньку и вымолвил: – По щучьему велению, по божьему благословению пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!

Взял, приподнял ему кафтан, а под полой как есть привязана утка – одно перо золотое, другое серебряное. Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засме-

ялись.

– Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!

Отец царевны всеми святыми клянётся, что воровать – у него и на мыслях не было; а как к нему утка попала – того и сам не ведаёт.

– Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват.

Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку:

– Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе познал, что можно быть без вины виноватым.

Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

Морозко

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту её журила, рано будила и всю работу на неё свалила.

Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и всё убирала ещё до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

– Экая ленивица, экая неряха! И веник-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе. Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе угодить и дочерям её услужить; но сёстры, глядя на мать, Марфушу во всём обижали,

с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил её за то, что была послушная да работящая, никогда не упрямылась, что заставят, то и делала и ни в чём не перечила; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха – ворчунья, а дочери её – ленивицы и упрямыцы.

Вот наши старики стали думу думать: старик – как бы дочерей пристроить, а старуха – как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

– Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

– Ладно, – сказал старик и побрёл себе на печь; а старуха вслед ему:

– Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери своё

добро в коробейку да накинь белую рубаху: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут её в гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, всё собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка – хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвёл к крыльцу; сам пришёл в избу, сел на коник¹ и сказал:

– Ну, я всё изладил!

– Садитесь за стол да ешьте! – сказала старуха.

Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница была на столе, он вынул каравай и нарезал хлеба и себе, и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала:

– Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да смотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, – знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завыла.

– Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Смотри-ка, сколько у него добра: все ёлки, сосны и берёзы в пуху; житьё-то завидное, да и сам он богатырь!

Старик молча уложил пожитки, велел дочери накинуть

¹ Коник – лавка с ларём.

баранью шубу и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал – не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается.

Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

– Сиди и жди жениха, да смотри – принимай ласковее.

А после заворотил лошадь – и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб её пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на ёлке потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает да пощёлкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит:

– Тепло ли те, девица?

– Тепло, тепло, батюшко Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощёлкивать. Мороз спросил девицу:

– Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?

Девица чуть дух переводит, но ещё говорит:

– Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!

Мороз пуще затрещал и сильнее защёлкал и девице сказал:

– Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?

Девица окостеневала и чуть слышно сказала:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит:

– Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашёл её живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил всё на воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и девица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья. «Э, не обманешь меня».

Вот спустя немного старуха говорит старику:

– Увези-ка и моих дочерей к жениху; он их ещё не так одарит!

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путём оставил девок под сосною. Наши девицы сидят да посмеиваются:

– Что это у матушки выдуманно – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Не ровён чёрт придет, и не знаешь какой!

Девушки были в шубах, а тут им стало зябко.

– Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну как суженый-ряженный не придет, так мы здесь околеем.

– Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед на дворе.

– А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмёт?

– Не тебя ли, дурище?

– Да, смотри, тебя!

– Конечно меня.

– Тебя! Полно тебе цыганить да врать!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши девицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

– Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся², поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

– Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмёт!

Так девицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали:

² Тресся – ругательное слово, прилагается людям сварливым и вздорным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.